

А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Воспоминания о В. О. Ключевском

Ключевский! Как много напоминает мне этот звук, — он приводит меня в какой-то непонятный самому мне благоговейный трепет. Причины сему будут, хотя кратко, изложены ниже.

Неоценимый товарищ наш В. И. Ключевский стал известен мне с семинарии (мы учились в разных училищах: я в Краснослободском, а он, г. Ключевский — не могу иначе назвать его, — в Пензенском).

Семинария наша в то время состояла из трех классов, — с двухгодичным курсом; назывались они: Низшее отделение (нынешние — первый и второй классы); Среднее — (нынешние — третий и четвертый) и Высшее (пятый и шестой классы). Кроме того, Низшее отделение имело два отделения — первое и второе. Г. Ключевский был во втором отделении, а я в первом*. Отсюда началось мое знание о г. Ключевском.

Товарищи мои — квартиранты, — классники г. Ключевского очень и очень часто, возвращаясь с квартиры, говорили, приблизительно: «да Ключевский голова», «Ключевский с великими мозгами», «умен Ключевский!» И многие другие похвалы.

Первый факт, выдвинувший Ключевского, был следующий: самое первое сочинение дано было написать период условный (на какую тему не помню**). По словесности в том отделении был профессор Василий Михайлович Розов² (впоследствии вызванный в ректора в г. Чернигов). Как лучшее, сочинение Ключевского было прочтено самим Розовым. По прочтении этого периода, г. Розов,

---

* Эти, по нынешней терминологии, — параллельные классы были только в 1866–1868 г., а с осени 1868 г. отделения соединены были в одно. См. выше стр. 97 и след. 180 и след.¹

** См. выше стран. 108 и след., 140 и след.³

подавая оное г. Ключевскому, сказал: «На, Ключевский, твой период! Ты своей головы неносишь». — «Что такое, что такое», — посыпалось сильным шепотом учеников. «Этот период, сказал В. Мих. Розов, — может написать только ученый Богослов». Что выразил своим ответом г. учитель: предупредил ли г. Ключевского побережь свою голову или что другое, предлагаю решать другим. С подобными сему событиями прошел весь наш курс низшего отделения семинарии. Перешли мы в Среднее отделение, и здесь-то начались важные — низкие события с нашим всем любимым товарищем г. Ключевским.

Прежде, чем говорить о приключениях с Вас. И. Ключевским, нахожу нужным сказать о его великом характере, который он мог соединить, гармонично, с своим умом.

Василий Иосифович Ключевский, по своей наружности, был незавидный, как принято выражаться, не солидный. Но когда он пожелает с кем-либо говорить, или увидит желающего с ним говорить, то в нем моментально является какая-то непонятная магнетическая сила, заставляющая, как-то поневоле, полюбить его. Силу эту один раз испытал и я. Случай к тому был очень простой. Это было в Низшем отделении. Идет г. Ключ(евский) по классу от двери с товарищем Петром Аристидовым (первый ученик Нижнеломовского училища, умерший в Среднем отделении) и очень важным тоном спросил меня: «Почему это Краснослободские ученики с первого взгляда узнают корень всякого кубического числа?» (В руке у г. Ключевского была арифметика Куминского⁴). Я постарался, сколько мог, вежливо попросить из рук его книгу и, переверотив несколько листов наперед, на табличку, определяющую корень, квадрат и куб. Г. Ключевский тогда, воскликнув, сказал: «Вот в чем секрет!» И вежливой улыбкой с кивком головы отблагодарил меня. С той минуты во мне зародилась любовь и уважение к г. Ключевскому.

В Пензенском училище был ректором (предметов он не преподавал) прот. Андрей Лукич Овсов⁵. Арифметику он называл, как говорили, железным предметом, и не любил эту науку. Причины сему неизвестны. А поэтому и учителя не проходили, вероятно, всю программу, а более всего обращали занятие на изучение языков — латинского и отчасти греческого, считавшимися главными предметами. И, действительно, пензяки отличались пред другими большим знанием латыни. Ученики же Краснослободские были с средним знанием всех предметов и заметно в семинарии занимали срединное место.

Далее пойдет семинарская биография г. Ключевского.

Вот мы в следующем классе — Среднем отделении, где нас соединили в одно из прежних двух отделений. Начинаем знакомиться с новыми, интересными науками — логикой и психологией, которые считались главными предметами; а главные предметы играли такую роль, что составленный по ним список ученических успехов был фундаментальным; списки же по другим наукам не были особенно предпочтены. Преподаватель мудрых наук — логики и психологии был протоиерей Авраамий Павлович Смирнов⁶.

Авраамий Павлович имел привычку трунить особенно над слабоватыми, по науке, учениками, и был особенно доволен, когда видит других учеников улыбающимися. Улыбались-то ученики улыбались, но только не над товарищем осмеиваемым, а над выходками о. Авраамия, находя их, хочется назвать глупыми, не современными. Г. Ключевский от таких любезностей отворачивал взоры, что не мог не заметить наш «Философ» — отец Авраамий. Это предположение, думаю, и оправдалось. Из какого народа был о. Авраамий, мне неизвестно: белорусс не белорусс, хохол не хохол⁷. Некоторые слова его речи были какими-то инаковыми; произносил он: гляз (глаз), слядко (сладко), а для иных слов, чтобы выразить его акцент, не подберешь букв в русской азбуке. По преподаванию логики и психологии в особенности о. Авраамий был далеко не на своем месте. Преосвященный Варлаам⁸, с самого поступления в Пензу, заметил неспособность о. Авраамия в преподавании этих великих наук и давно хотел заменить его другим преподавателем, но не находил кем. Но наконец нашел лучшего преподавателя в Стефане Василиевиче Масловском⁹, который и заместил место «Философа».

Привыкший унижать насмешками слабоватых учеников, «Философ» отец Авраамий задумал осмеять и В. И. Ключевского и искал к тому случая. Случай к тому, по мнению Авраамия, представился. Был один случай, когда Ключевский несколько минут опоздал в класс, так что о. Авраамий, по прочтении молитвы, успел сесть на кафедру и готовился спрашивать уроки. Пришел Ключевский и, сотворив крестное знамение, а потом поклон учителю, прошел сесть на свое место. Садясь на место, он скромно подал руку рядом сидевшему товарищу. Заметив это, о. Авраамий принял за удобный случай осмеять Ключевского; но осмеяние, как оказалось, возвратилось на самого осмеявшего: наткнулся, как говорится. «Ште это вы, драконы штоли какие сошлись, редко видавшиеся, и начали дружитья», — начал смеяться о. Авраамий,

глядя на других учеников и желая увидеть улыбку их (так любил он всегда); но никаких даже признаков улыбки и ни на ком, к прискорбию своему, не увидел. На выходку эту (со стороны Аврамия) г. Ключевский весьма вежливо ответил (приблизительно): «Подать руку товарищу я нахожу делом правил братских любви и вежливости, и притом же я не учинил никакого шума или соблазна какого». Заговорил было что-то еще о. Авр (амий), но выходило все невпопад. Сконфуженный о. Авраамий прекратил свою глупую речь, выразив злобу на своем лице.

Злоба Аврамия на г. Ключевского росла. Но самая большая виновница его злобы была нижеследующая: наш «Философ» — Авраамий Павлович, говоря о силах и способностях души человеческой, часто упоминал о кошке: «Вот кошьяка, как она схвать мишку», и при этом сказании театрально и всем движением своего тела, и особенно руки, представит из себя кошку, схватившую мышь. И по такому его объяснению выходило: кошка служила каким оригиналом, авторитетом души человеческой. Сравнение или какое-то превосходство, по толкованию о. Аврамия, души кошчей с душою человека возбуждало улыбку, или, вернее, смех и в учениках средних и низших, нравящийся о. Смирнову, заставляло г. Ключевского, как помнится, отвращаться, и едва ли не затыкать уши. Сделать какой-либо вопрос и возражение, если кто вздумал, было бы равносильно обречению себя на погибель.

При этом невольно вспоминается: какой-то из питомцев Пензенской семинарии, фамилия — по преданию, Надеждин, описал семинарию нашу, конечно, не нынешнюю, в стихах. Описание читано было еще в Красн(ослободском) училище. В памяти моей кое-что. о. ректор Евпсихий¹⁰ изображен под именем моськи, всегда и на всех лающей и визжащей. В печати этих стихов никогда не видел, но в рукописях они были у многих. Об Аврам(ии) Павловиче, как помнится, написано: «Тссс. Философ. Палец к носу. Всякий премудрости внимай. Своего же дать вопроса никто в свете не дерзай». — Охарактеризован о. Авр(амий) верно. Действительно, он никогда не вынесет никакого возражения. Бывали случаи, по сказанию наших предшественников по курсу семинарии, находились смельчаки, решавшиеся сделать возражение (а может, о кошчей душе); но всегда, о ужас! «Философ» моментально спрыгнет с кафедры и, весь раскаленный злобою, неистово закричит: «Поди, поди, садись на кафедру! — Ты ныне профессор, ты ныне профессор!» Зная эту выходку, и г. Ключевский, вероятно, воздерживался от возражений.

Злоба Аврамия Павловича на Ключевского созрела до последней высоты еще по следующей причине: г. Ключевский, разговаривая с товарищами, когда дело касалось Авр(амия) П(авловича), говорил, приблизительно: «Это кощачий психолог, — только и разбирать бы кощичьи души, а не человеческие». Слова эти быстро разносились между всеми товарищами, беспримерно любящими Ключевского. Весть о кощачьем психологе не могла не дойти до самого Авр(амия) Павловича, тем более: дети о. Аврамия, как помнится, Димитрий и Иван, без труда могли узнать все об их отце и передать ему.

Пресловутый «Философ» о. Авр(амий) готов был разразить В. И. Ключевского, но опасался, как бы не потерпеть самому крушения, ибо в голове Ключевского было мозгов едва ли менее его, а вероятно, поболее. Придаться к Ключевскому он не мог, ибо Ключевский был во всем и всегда аккуратен. К тому же и время подходило к переводу нашего курса в следующий класс. Но оставить или умерить своего зла против Ключевского о. Авраамий никак не мог.

Последний — переводный экзамен покончился. Мы все ожидали объявления переводного списка, чтобы с чем-либо отправиться по домам, но его почему-то не было. С смущенным духом мы разъехались. Более других скорбели ученики послабее, в числе коих был и я — многогрешный. Не могу промолчать: мой соквартиранта, окончивший в то время полный курс, — Василий Григорьевич Казанский, зная о моей скорби (притом было тогда семейное горе, — отец мой был переведен в другой — худший приход), поспешил уведомить меня и утешить, что я переведен.

По возвращении в семинарию, после летних каникул, первым делом было узнать переводный список. И при первом взгляде все ужаснулись. — Г. Ключевский записан к концу первого разряда. Всем тогда бросился вопрос: не учинил ли Ключевский какое-либо важное преступление? Но с этим вопросом трудно было помириться, ибо все знали, что Ключевский примерный во всех отношениях товарищ. Пошли опросы, справки и все, что способствовало к узнаванию причины. Наконец выяснилось, что виновник всей этой катастрофы был почтеннейший Авраамий Павлович Смирнов.

Представляя список учеников (переводный), протоиерей о. Авраамий не постыдился записать Ключевского во втором разряде. О. ректор Евпсихий, увидя список, пришел в волнение: «Как это, как это! Разве можно Ключевского так унижить?» Авраамий в оправдание свое только и отвечал: «Он задачки опаздывал подавать». Конечно, и несомненно, — это была недобросовестная ложь.

Ключевский всегда и все делал аккуратно и исправно. — Упрямство мог поддержать тем еще Смирнов: злой Бурлуцкий¹¹, инспектор семинарии, и Константин Э. Смирнов, а также о. Авраамий были женаты на родных сестрах — родственницах (говорили, — племянницах) архиерея Амвросия¹². А поэтому партия Авраамия была сильна. Но были и защитники Ключевского, и поэтому уломали Смирнова Авр. согласиться оставить Ключевского в первом разряде.

Этим — последним событием с нашим, всеми любимым, Ключевским были все его товарищи огорчены и обижены. Г. Ключевский достойно занимал первое место. По моему маленькому мнению и многих моих товарищей, если бы список был написан по уму учеников, то от Ключевского до следующего ученика, разумея легкую постепенность, нужно бы в середине записать от 2–5 учеников. Этим я не хочу и не могу сказать, что следующие ученики — Гвоздев Порфирий¹³, Степан Парадизов¹⁴ были недалекие, — нет; но Ключевский много их превосходил. Он, по уму и доброте, целою грудью, как Саул ростом пред своим народом, стоял несравненно выше всех. Уважая его, некоторые учителя молодые, при встрече с Ключевским, подавали ему руку. — Он стоил того. Ключевский между нами был какой-то Соломон. Недаром ему дали кличку: Филарет. Он никогда не гордился своим умом; со всеми своими товарищами он был одинаково любезен; никому преимущества своею любовью и ласковостью не являл. Для (него) все были одинаковы; на похвалы, приносимые ему товарищами, отвечал только братскою улыбкой. Чтобы достойно восхвалить дорогого Ключевского, я не могу подобрать слов.

Сейчас только вспомнился мне один случай: будучи в Среднем отделении, у нас была задача по предмету Степана Васильевича Масловского на тему «Взгляд на друзей Иова»*. Конечно, сочинение Ключевского было лучше всех других. Лучшие сочинения прочитывались в классе. Вышеупомянутое сочинение читал сам Ст. В. Масловский. С первых слов чтения мало было обращено внимания, но вскоре все вострепонулись. Начался перешепот: «Кто это написал?» «Чье это сочинение?» и проч. Сидевший близ меня Василий Александрович Добросердов сказал: «Кроме этого Филарета, — указывая на Ключевского, — кто же может другой так написать». Ст. В. М(асловский) продолжал читать. Все ждали конца. По прочтении всего, Ст. В. подал сочинение Ключевскому и просил Ключевского написать еще два экземпляра этого сочи-

---

* См. выше, стр. 194¹⁵.

нения. Лучшие сочинения писались в двух экземплярах: один, копия, представлялся о. ректору, а подлинник отдавался афтору. Впоследствии оказалось, что один экземпляр сочинения Ключевского Ст. В. М(асловский) оставил себе.

Скромный Ключевский как умом не гордился, так не жаловался на учиненную жестокою обиду. По крайней мере, я ничего не замечал. Начали заниматься. Ключевский хотя исправно посещал семинарию, готовил уроки, но как-то нехотя. В лице заметна была маленькая задумчивость. Вообще много изменился. Я видел только один случай, когда Ключевский развеселился. Дело было так: профессор Михаил Митрофанович Попов¹⁶, рассказывая о чем-то (не помню), сказал (по науке это так): «Климат имеет влияние на поэзию». Нужно сказать, что г. Попов считался довольно умным учителем, начитанным. На язык он был довольно развит. Один раз, на экзамене ар(хи)еп(ископ) Варлаам, несмотря на свою гордость, сказал Попову: «Да, язык у тебя развит». Г. Ключевский вздумал или пошутить, или помериться силою ума с Поповым, — не знаю, что верно, — начал опровергать. Завязались прения, но прения были не враждебных лагерей, но научных. Не было ни в одном из спорящих ни горячности, ни злобы. Колокольчик прозвонил 12, но никто не тр(он) улся с места, — все заслушались. К нашему тогда несчастью, был послеобеденный класс: нужно сходить покушать, подновить урок и проч.; кроме того, квартиры многих учеников были версты, пожалуй, за две и более. Поэтому мы стали, с великим прискорбием, понемногу расходиться, но все сильно желали дожидаться победителя. Если бы не вышеизложенные причины, думаю, многие просидели до вечера. Расходясь, товарищи сказали Ключевскому (по дружбе): «Шут тебя знает, откуда брал слова и примеры!» В ответ на это Ключевский с любовью, обычною у него, только улыбнулся.

Прошла длинная треть. (В наше время был экзамен пред Рождеством.) Начался экзамен. Ключевский хотя и отвечал, но отвечал как-то вяловато, нехотя. Кончился экзамен. И в тот же день Ключевский подал прошение об увольнении его из семинарии. Выход его из семинарии многие объясняли и разно: одни говорили, что давно желал уйти из семинарии, ненавидя духовное звание; другие — что он желает высшего образования; но, по моему мнению, Ключевский не мог далее претерпевать нанесенной ему обиды. Итак, Ключевский уволен, и духовное ведомство лишилось драгоценнейшего перла. Желательно было тогда знать: насы(ти)лась ли злоба Авраамия Смирнова? Удовлетворена ли гордость? Но ненависть к нему и презрение остались надолго.

Несмотря на свою сдержанность, все-таки по получении семинарского свидетельства, показывая оное товарищам, сказал, указывая на отметку по латыни: «Вот как нас аттестовывают». В аттес(та)те стояла отметка: «хорошо». Отметку «хорошо», вероятно, поставил тот о. Авраамий, ибо он был последний пре(по)даватель латыни.

При разлуке с дорогим Ключевским все его товарищи просили прислать письмо о сдаче им в университет экзамена. Письмо это, по обещанию Ключ (евского), в свое время было получено и прочтено всем с кафедры. Письмо составляло целый большой почтовой лист убористого письма; из содержания его твердо помнится (приблизительно, но верно) следующее: «Сдавая экзамен по Всеобщей истории, хронологию я определял столетиями, полстолетиями и четвертями века, но дело сошло настояще; по математике решал такую-то (не помню, какую) Бинома Нетона* и, по окончании решения, сказал своему экзаменатору, что такое-то такому-то не равно, чем намекнул ему, что задача дана неправильно. Сочинение у нас было на вольные темы. Я желал описать семинарский быт, но жалел, что, за краткостью времени, не мог написать о том, как живут семинаристы собою. В этом сочинении мне была от цензора сделана легкая заметка, но, когда я увидел, что на верхнем углу стоит 5+, удержался ответить, что вы (цензору) говорите неправдиво. По Церковной истории был экзаменатор владыка, как помнится, сам Филарет, Московский митрополит. Спрошен я был о седьмом Вселенском соборе. Что мог и как мог, я отвечал. По прошествии недолгого времени я вызван был отвечать по катихизису. Владыко спросил меня только: “В какой семинарии я получил первоначальное образование”? Мой краткий ответ был: в Пензенской. За такой ответ владыко поставил мне 5+. Потом, обращаясь ко всем присутствующим, сказал: “Вы, гг., несомненно, подумали, что такую отметку я поставил Ключевскому по ка(ко)й-либо секретной причине? — Нет. Не прошло часа, как этот Ключевский отвечал о седьмом Вселенском соборе; сказать так и столько — не более, могу только я сам. Если он столько наговорил о с(едьмом) Вс(еленском) соборе, то в знании им катихизиса я не имею никакого сомнения”. Катихизис был самого Филарета. Все присутствующие экзаменаторы вежливо выразили видом своего лица и легким поклоном: “Верим вам во всем и не желаем противоречить”. — Если письмо такого содержания было не В. И. Ключевского, то все мы сказали бы: “Хвальбишка, лгун”»¹⁷. Мне 75 лет. И до сих пор я жалею, что не снял копии с этого письма.

---

* Т. е. бинома Ньютона.

Время шло. Воспоминания о Ключевском стали испаряться. По поступлении на должность, я слышал от одного товарища, Михаила Евграфовича Доброхотова, что Ключевский оставлен при Московском университете, корректор исторических сочинений, пишет историю Русского государства, и только. Жизнь моя текла обыденным порядком. Но вдруг вспыхнула у меня память о Ключевском. Лет через десять после видания г. Ключевского, ко мне приехал двоюродный брат, студент Пензенской семинарии, Порфирий Иванович Зарин (и моя фамилия должна бы быть Зарин). По окончании курса, брат не мог иметь где-либо приюта, кроме меня. Матери он не имел от младенчества, отец его ютился в монастыре. При разговоре с ним, речь коснулась Ключевского... У ректора семинарии, Степана Васильевича Масловского, была какая-то семейная пирушка, гости его разговорились о учености и умных людях. Ст. В. М(асловский), слушая их и пригнушивая (он немного пригнушивал), сказал: «Вы что расхвалились?.. Погодите-ка»... И быстро удалился в свой кабинет. Спустя немного минут, он вернулся с тетраткою и, подавая спорящим, сказал: «Нате вот... Понюхайте!» Едва только гости начали читать, как послышались звуки удивления: «Эх, кто это! Кто это?» — «Это был мой ученичок, и это написано еще вот когда»... Оказалось, что сочинение было Ключевского на тему «Взгляд на судей Иова», о котором я упоминал выше.

Прошло еще несколько. В «Пензенских епархиальных ведомостях»¹⁸ в одном № перечисляются все дельцы, вышедшие из Пензенской Духовной семинарии; упоминались Ильминский¹⁹ и многие другие, коих фамилии не помню. Последним был упомянут В. Иос. Ключевский. Какой-то необъяснимый жар приступил ко мне при этом: — Ключевский! Спешу читать. И, о Бог ты мой! Какая ложь, какое скрытие истины! Ключевский слабо учился в училище, его готовил В. П. Маловский²⁰, а иначе он был бы исключен. Может быть, что на первых уроках это и правда была. Но, по сказанию его товарищей (помню Николая Петровича Ирисова, с коим я, будучи в семинарии, часто говорил о Ключевском), Ключевский всегда учился хорошо; но выдвинуться до первого места ему мешала косноязычность: он заикался. Случай к его возвышению и обращению на него учителей был следующий. На экзамене по латинскому языку случилось очень трудное место (вероятно, стихи), так что никто из учеников, сколько ни бились, никто не мог перевести. «Кто переведет, — крикнул звучным голосом Андрей Лукич Овсов, — первым запишу!» — Зная твердость и исполнительность

сказанного Овсовым, Ключевский встал и отлично перевел. Итак, Ключевский — первым учеником. — Далее, читая в «Епархиальных ведомостях», меня взяла злоба. Ключевскому хотелось скорее поступить в университет, а потому он поспешил скорее уволиться. А спросить бы: почему же не уволился скорее, по окончании последних дней Среднего отделения, а проучился лишнюю треть в Высшем отделении? — Далее: высокопресвященнейший Варлаам²¹, благословляя выход Ключевского из семинарии, напутствовал его всякими благожеланиями. Затошнила меня эта ложь. По сказанию самого В. И. Ключевского, Варлаам, как только получил сведения об увольнении Ключевского, позвал его к себе и, сколько мог, наругал его, что оставляет духовно-учебное заведение, упрекал в неблагодарности, грозил взыскать с него всю сумму пособий, начиная с училища. Какую сумму пособия получал Ключевский в училище, я не знаю, но в семинарии он получал самый высший оклад, как помнится, сорок рублей в год²². Возвратиться в семинарию Ключевский отказался наотрез. Относительно возврата пособия приблизительно ответил: «Я сирота, содержался и содержал еще мать (еще кого-то, не помню) платою за уроки; старался, насколько мог, учиться, а поэтому имел не(ко)торое право на пособие; если уже законно требование возврата пособия, то я уплачу, когда буду иметь возможность, поступлю на должность. А теперь я ничего не имею». Тем и кончились напутствования и благожелания Ключевскому от святого владыки. — А об обиде Ключевскому нигде ни слова.

В заключение всего нахожу нужным сказать кое-что о (высоко)преосвященном) Варламе, Авраамии Смирнове, Бурлуцком, Масловском.

Преосвященный Варлаам был нрава сурового, старинного закала, горд. Умнее себя, честнее, правдивее, целомудреннее и проч. никого не считал. Все у него дураки. Нередко за эти лже-сознания приходилось ему кое-что и самому выслушать. Любезное слово его было: «Ну, негодный! Скажи-ка о том-то». Если что доброго о нем можно сказать, то только: он не доверял оо. благочинным; можно оправдываться пред ним обвиняемому, он все выслушивал терпеливо: «Говори мне всю правду: я знаю, что меня могут обманывать»... Пожалуй, и только. В семинарии его не любили: никто, думаю, не будет отрицать, что учиться нелегко. Когда ему представляют переводные ученические списки, он не оставит их без изменения, а своею властною рукой отчеркнет скобою: из первого разряда во второй, из второго в третий и т. д. Зло это рождало и другое. Полюбленные учителями или их (ро)дственники всегда к тому

времени записывали(сь) выше, а истинно достойные опускались. Зла было много. Пред окончанием нашего курса была читана речь, в коей излагались наши долголетние труды... и просилось, чтобы наш курс был выпущен без третьего разряда. Речь говорил Степан Парадизов. Написана она была умно и содержательно. По прочтении речи Варлаам сопнул и сказал: «Да, воно они что вздумали!» И отчеркнул, как видно было, еще больше. — По обозрении епархии старался почти всех оштрафовать деньгами, обзывая всех, даже заслуженных, дураками. Поступающим на места всегда навязывал сирот в жены, а иначе и мест не давал. Несогласившиеся на его желание, даже студенты, года по три и четыре ходили без священнических мест. Несомненно, чем его отблагодаривали... Переведенный из Пензы в Тобольск (железных дорог тогда не было), ему пришлось попроситься ночевать к священнику, но тут ему пришлось выслушать благодарность по заслугам...; в конце сказано: «Мы лучше пустим всякого татарина, нежели тебя. Ты нас замучил». И он д(олжен) был ехать далее.

Аврамий Смирнов был перемещен на предмет Св. Писания. Появившись на первый урок (в Высшем отделении), он начал было строить, по привычке, насмешки, но тогда начали ему кричать: «не смешно», «мы не желаем слушать такие глупости». И больше к нам он не являлся. Много нужно бы написать о Авр. Смирнове, но нет времени. Неудачею своих комедий он до того раздражался, что, убегая из класса, надевал камилавку вверх дном, стучая себя в маковицу, чем возбуждал всеобщий смех.

О Иакове Бурлуцком сказать доброго нечего. Он напрасно исключал учеников, как-то: Ивана Никольского, Степана Яковлева Покровского и многих других.

От души можно всегда вспомнить только о добрейшем Степане Васильевиче Масловском, но писать о нем и некогда и это не относится к делу о В. И. Ключевском.

Прошу извинить меня: я не писатель и не оратор. К тому же стар и слаб зрением. Факты, изложенные здесь, правдивы.

